

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

6. واقعات شاہ شجاع ، کابل ، ۱۲۲۲ ش ، ص ۱۰۰ ج ۶.
7. L.Adames. Ibidem.
8. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 125.
9. Как это явствует из текста мемуаров (третий дафтар).
10. واقعات شاہ شجاع ، ص ۱۰۰ ج ۶.
11. Там же , с. 4 (" > ").
12. По словам А.А.Кохзада, рукопись находится в Кабульском музее:
واقعات شاہ شجاع ، ص ۱۰۰ ج ۶.
13. Там же.
14. واقعات شاہ شجاع ، ص ۴۰ ج ۶.
15. Там же , с. 41.
16. Там же , с. 41-42.
17. Там же , с. 42.
18. Так (перс. بندگان ما) в третьем лице именует себя шах Шуджа.
19. واقعات شاہ شجاع ، ص ۴۲ ج ۶.
20. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 84.
21. واقعات شاہ شجاع ، ص ۴۶ ج ۶.
22. Файз Мухаммад. Ук.соч., с. 86.

Е.А.Западова

ПУТЕШЕСТВИЕ К.А.ВЯЗЕМСКОГО ПО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (XIX век)

Так случилось, что о путешествиях князя Константина Александровича Вяземского по белу свету в России знали мало.¹ Более того, к нему сложилось некое негативное отношение: человек богатый, странный, видимо, причуды заставляли его отправляться в дальние путешествия ... К тому же ездил он верхом - в этом также видели стремление быть оригинальным. Сам Вяземский в 1894 г. объяснял свое увлечение верховой ездой так: "... если хочешь заехать в глубь страны, где только и можно увидеть нечто оригинальное, самобытное, то других способов передвижения нет, так как очень часто, кроме горных тропинок, никаких других дорог не существует.

1. В советское время изданы тезисы доклада А.В.Соколова, сделанного им на совместном заседании Института истории естествознания, техники АН СССР и Московского филиала Географического общества 29 мая 1968 г. /1/. Речь о Вяземском идет в диссертации Н.И.Мороза, правда, нельзя не отметить зачастую неверного указания цитируемых листов. Фамилии Мороза нет в листе использования рукописи /2/.

Пробовал я применять к путешествиям велосипед; но это оказалось невозможным: эта игрушка нуждается в гладкой, ровной и твердой почве, почти нигде не встречающейся.

Ездить же по морю и приставать в портах не имеет, по моему мнению, большого интереса: ибо тут встречаешь не истинную жизнь народов, а извращенную наносной цивилизацией" /3, с. 317/.

Но это, пожалуй, внешняя сторона проблемы. Основное же затруднение для исследователей заключалось в том, что отчеты о путешествиях князя начала 80-х гг. публиковались во французских журналах. Сам он неоднократно выступал в Географическом обществе в Париже. Русская же печать практически не уделяла его путешествиям никакого внимания. Между тем, Вяземский исколесил всю Европу, только во Франции вплоть до 1894 г. он побывал около 30 раз, посетил большую часть Африки и Азии. За 16 лет своих путешествий (по его подсчетам) он проехал 318 тысяч километров, в том числе по Азии — 45 тысяч 580 километров. Его последнее большое путешествие, во время которого он посетил страны Юго-Восточной Азии, началось в июле 1891 г. и закончилось после тринадцатимесячного "благополучного почти странствования" (по его собственному выражению) в декабре 1893 г.

К.А.Вяземский родился в 1852 г. и принадлежал к старинному роду. Об этом говорит и сама фамилия, и наследственный дворянский титул, и он сам в одном из немногих сохранившихся писем (оно хранится в Архиве Института русской литературы). Его дочь отказались похоронить возле церкви и он гневно пишет: "Моя дочь княгиня Вяземская, происходящая от Рюрика по прямой линии, если Вы пожелаете раскрыть русскую историю, то узнаете по ней, что предок мой Владимир равноапостольный крестил всю русскую землю и так я полагаю, что потомки того, без которого вы все были бы идолопоклонниками, не имели бы ни церквей, ни монастырей, имеют право быть погребенными около церкви" /4, л. 2-2а/. (К слову заметим, что князь не раз рассказывал о знатности своего рода властителям стран Юго-Восточной Азии).

Собственную тягу к путешествиям К.В.Вяземский объяснил так: "У всякого свой вкус: кто гонится за чинами, кто стремится к наживе, а кто, вот, как я, изучает земной шар в его разных частях со всеми подробностями" /3, с. 317/. Географическое общество отказалось субсидировать его поездку по странам Юго-Восточной Азии, программа была признана неосуществимой. Позднее, после возвращения Вяземский написал: "Странные люди вообще: как они любят предрешать события и признавать невозможным всякое дело, хотя немного

выдающееся из ряда обыкновенных" /3, с. 319/.

6 июля 1892 г. началось его путешествие по странам Юго-Восточной Азии по Нижегородской железной дороге. Все прощались с ним, по его выражению, "как с обреченным". Первую часть путешествия по Сибири он проехал на тройке в почтовой бричке, затем верхом вступил в Монголию. С ним были капитан Заремба, перевозчик, повар, несколько казаков и монголов, назначенных от китайского правительства. Они цроехали по Гоби, затем весь Китай. На путешественников было совершено нападение, китайский конвой тотчас покинул их, и "нас спасла лишь быстрота наших лошадей", по словам Вяземского. Сам он был ранен и после этого целый месяц продолжал путь в носилках.

Из Китая он прибыл в Тонкин, где его "с торжеством встречала французская интеллигенция" – что было понятно, так как его имя было широко известно во Франции. Он проехал Аннам, из Гюэ прибыл в район Меконга. Посетив Камбоджу и Кохинхину, он вернулся в Сиам. Ему пришлось оставить сибирских лошадей и добыть слонов, "которые днем прочищают путь, вырывая и разбрасывая деревья в сплошном дремучем лесу, покрывающем весь Сиам, а ночью предохраняют караван от тигром". Далее – Бангкок, Менам, на слонах проехал Бирму. В Рангуне оставил слонов, проехав на них более тысячи верст. Из Рангуна по Иравади поднялся до Мандалая. Во время путешествия по реке Чиндвин, познакомился с чинами, пересек Манипур, Ассам и достиг Бенгалии.

В феврале 1893 г. – он в Калькутте, путешествие по Индии длилось три месяца, затем через Кашмир и Гималаи он проник в Тибет, где "нашел население кроткое и гостеприимное". Он даже пытался сойтись с бонзами и, по его словам, ему удалось проникнуть в некоторые их тайны. В частности, он "подметил средства, употребляемые им, чтобы обходиться долгое время без пищи и питья" /3, с. 324/.

Таковы основные контуры его путешествия, во время которого он собирал коллекцию из растений и животных, "между которыми были и совсем еще новые неизвестные экземпляры". К сожалению, на него напали разбойники, которые разграбили весь багаж. Именно поэтому князь Вяземский считал, что, несмотря на все желание извлечь из путешествия "возможную пользу для науки", это не удалось. Две недели он питался одной мукой, из которой делал лепешки на воде, пока одному из слуг не удалось спастись из плена и не пробраться в Кашгар, где он уведомил русского консула об отчаянном положении князя. Были посланы казаки, и Вяземский возвратился, закончив, по словам анонимного французского автора, "свое единственное в мире

по размерам путешествие" /3, с. 325/.

Князь мечтал совершить еще одно путешествие по Африке, отдохнув несколько месяцев после странствований по Юго-Восточной Азии. Но о дальнейшей его судьбе пока известно мало. В 1894 г. он приводил свои записи в порядок и семь отрывков из его работы, названной им "Путешествие вокруг Азии верхом", увидели свет в журнале "Русское обозрение" в 1894-95 гг. - отрывки, посвященные началу путешествия, Сибири, Китаю. Дневники путешествия по Юго-Восточной Азии остались ненапечатанными и хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина /5/. Там же хранится письмо Вяземского к А.А. Александрову, издателю журнала "Русское обозрение", которое весьма красноречиво свидетельствует о материальном положении князя: "Посылаю Вам продолжение моего путешествия, согласно обещанию Вашему надеюсь Вы печатаете его каждый месяц, и потому теперь взятые мною 200 рублей вперед зимой зачислены полагаю с избытком...

Чтобы не платить почтовых расходов потрудитесь деньги (да пожалуй и книги) отправить в Афонскую часовню, что на Никольской ..., адресуя так: в Турцию на святой Афон в Русский Пантелеймоновский монастырь князю Вяземскому" /5/.

Умер путешественник через девять лет в 1904 г. и, к сожалению, пока ничего неизвестно о его последних днях и работах.

Итак, он въехал в Тонкин 14 марта 1892 г. и заметил сразу же, что французы имеют праздничный вид и чему-то все радуются. Местные жители "аннамиты очень робки, точно чем-то напуганы или удивлены. Они боятся европейцев и со страхом проходят мимо их каменных двухэтажных домов. Аннамитские домики сгущены между собой и представляют непроходимые лабиринты" /5, тетр. 20, л. 293/.

Он был принят правителем Аннама, который спросил путешественника о знатности рода русского царя. Вяземский сообщил и о себе, что его прадедом был знаменитый полководец Александр Невский. Как и позднее король Лаоса, правитель Аннама не имел о России "никакого понятия" до приезда Вяземского. Таким образом, можно утверждать, что подобные личные контакты имели немаловажное значение для пропаганды России. В Аннаме Вяземский был награжден высшими орденами и зачислен в мандарины первого класса без должности.

Внимание Вяземского привлекли города, лежавшие на его пути /6, с. 117-125/. Город Шолон ему не понравился прежде всего потому, что его возмутило производство опиума - к этой проблеме в Юго-Восточной Азии Вяземский обращался неоднократно. "Опиум варят, жарят, месят, как тесто, обкуривают, затем складывают в коробки и

рассылают для отравления миллионов людей.

Когда смотришь на это дело, то удивляешься: как может просвещенная нация употреблять столько усилий и трудов затем, чтобы в результате губить своих сограждан! Всем известен вред, производимый этим гадким составом (а французам и англичанам это известно более чем кому-либо, ибо в метрополиях, своих европейских владениях, употребление этого зелья строго воспрещается); и вот так велика страсть к наживе, что вопреки здравому смыслу и всем человеческим чувствам само государство занимается распространением этого зловердного курева!" (5, тетр. 29, с. 587).

Рассуждая на тему вредности курения табака, употребления опиума или смысле жизни князь Вяземский неоднократно на страницах своих дневников (26 из которых посвящены странам Юго-Восточной Азии) обращается к авторитету Льва Толстого.

Наблюдательный человек, Вяземский заметил, что французы местных (камбоджийских) начальников "в грош не ставят" /5, тетр. 26, л. 521/.

О материальной и духовной культуре Сиам, как и других стран Юго-Восточной Азии, русский путешественник сообщил много интересного. Прибыв в Сиа, он был счастлив, ибо "попал в страну, о которой мечтал, узнал, что находится там, где белые пятна значутся на картах географических" /5, тетр. 30, л. 642/.

Описывая дом богатого человека, Вяземский фиксирует внимание читателя на европейской кровати, трюмо, японских пейзажах, коврах, китайской резной мебели. Интересно его примечание: "Восточные жители, не привыкшие спать на кроватях, обыкновенно ставят их в своих приемных в виде украшения. Это мне случалось видеть и у арабских пашей и у мавров" /5, тетр. 31, л. 644/. Важный чиновник продемонстрировал Вяземскому подарки короля - чайник, сахарницу, кольцо, коробку - все это из чистого золота, тонкой работы. В кольце был крупный бирманский рубин, корзинка - "очень изящно сплетена из золотой проволоки, а на блюдцах выточены мелкие цветы" /5, тетр. 25, л. 489/. Оказалось, что король дарует своим сановникам подобные подарки пожизненно. После смерти номинального владельца вещи возвращаются ко двору и даются в пользование другому королевскому любимцу.

Путешественник подробно описал некоторые обычаи и обряды сиамцев. Так, рассказывая о погребении, он отметил, что "с бедными не церемонятся, и если у них не останется средств уплатить расходы сжигания, то их бросают на съедение хищным птицам". В то же время состоятельных людей бальзамируют и выдерживают в домах го-

дами и сжигают после определенных церемоний. Это наблюдение К.А. Вяземского нашло свое подтверждение при церемонии сожжения короля Чуладонгкорна Он скончался 10(23) октября 1910 г., а сожжение состоялось, как явствует из переписки русских дипломатов Плансона-Росткова Г.А. и Сазонова С.Л., 16 марта 1911 г. /8, л. 32/. Описание погребального и других обрядов, занимающих значительное место в жизни сиамского общества, могло бы быть ценным вкладом в отечественную этнографию.

Вяземский особо подчеркнул роль религии, монашества в жизни сиамского общества 90-х гг. А его беседа с миссионером-христианином приоткрыла завесу над тайной обращения некоторых сиамцев в христианство. По его словам, рабами в Сиаме становятся пленники, представители многочисленных племен, захваченные во время военных схваток, а также воры, должники. Иногда рабами становятся на какой-то срок. Случается, что родители продают в рабство своих детей, всегда с правами выкупа /5, тетр. 25, л. 477/. Каждый, кто вносит определенную плату, по существующему закону вправе откупиться. Этим и пользуются миссионеры, которые путем выкупа неоплатных должников на условиях принятия христианства увеличивали число неофитов.

К.А.Вяземский подчеркивал, что в леса Лаоса "с их злокачественными лихорадками" еще не ступала нога европейца, и он первый, кому удалось это сделать в 1892 г. Объединяя лао Сиам и Лаоса, путешественник поясняет: "Лаосами называются жители северных земель Сиам; в старину они составляли сильное княжество, да и теперь у них есть независимые короли, однако платящие дань Сиаму" /5, тетр. 23, л. 422/. Путешественник показал прекрасное знакомство с результатами экспедиции француза Лэгрэ и отметил некоторые неточности в его карте. Восхищение Вяземского вызвал "широкий великолепный Меконг", который он назвал "царицей рек": "Вот эта красавица крайнего Востока! И действительно хороша и импозантна!... Среди реки видно много островов, также покрытых роскошной растительностью. Там кишат пеликаны, дикие гуси и крокодилы. По берегу скачет множество диких обезьян" /5, тетр. 25, л. 473/.

Город Паксе (Бассак), в котором, по словам Вяземского, находилась резиденция лаосского короля, - ботанический сад, множество растений которого стали бы украшением любой теплицы России. Среди густой зелени прячутся небольшие деревянные хижины. Единственное большое здание - дворец, где останавливается брат короля Сиам. Русский путешественник находился в Лаосе до заключения франко-сиамского договора 1893 г. и для того, чтобы встретиться

с ним, в Паксе прибыл сиамский комиссар калуонг (Вяземский называет его калун). Это свидетельство – еще одно доказательство исторического факта, что два таких комиссара были направлены в Луангпхабанг в 1885 г. по просьбе лаосского короля Ун Кхама и практически полностью контролировали управление страной.

Чрезвычайно интересно для этнографа описание лаосской деревни XIX в. Дома обычно строятся на высоких столбах, внутри – некоторое убранство: по углам – идолы, на стенах оружие, но огнестрельного почти нет, употребляется "нечто вроде лука и отравленных стрел" /5, тетр. 23, л. 422–423/. Путешественник сопоставляет лаосцев с соседними народами Юго-Восточной Азии. Так, говоря о воспитании детей, он соотносит сиамских и лаосских женщин, которые никогда не расстаются со своими детьми, берут их с собой повсюду – на работы, в поля, в молельни. Он полагает, что девочки в этих странах развиваются рано, так что "13-летние уже выходят замуж, зато в 22 года женщина уже почти старуха и слывет пожилой, такую уже никто замуж не возьмет" /5, тетр. 23, л. 433/.

Вяземский перечисляет различные народности и племена из групп низинных и вершинных лао. В одном из селений, где живут лао и пхутхайи, он становится свидетелем того, как жители ведут меновую торговлю с жителями гор, поставляя им соль, хлопок, разные материи собственного производства, получая взамен шкуры, слоновую кость, кардамон, корицу, "глиняную и металлическую посуду происхождения аннамитского" /5, тетр. 24, л. 455/.

В других местах Сиам и Лаоса он отмечал меновой характер торговли, но там употребляются серебряные и медные знаки. Наиболее типичны медные лодочки, узкие, "длинной в вершок, посредине выдолбленные, они очень напоминают формой наш челнок. Стоимость их невелика. Серебряная монета очень древняя имеет вид шарообразных калачиков, приплюснутых с боков, на задке видны узоры и очень мелкие надписи, размером они в те шарики, что употребляются при игре в солитер, стоит около рубля" /5, тетр. 25, л. 487/. Он упомянул и о недавно выпущенных плоских монетах с портретом короля. Золота на монеты не употребляют, но, по словам путешественника, его здесь добывается много, преимущественно в окрестностях города Аттапы (сам он не бывал в этом городе). Таким образом, свидетельства очевидца помогают представить себе типичную форму монет в Лаосе, эволюцию, которую претерпело денежное обращение в Сиаме и Лаосе.

В конце 1892 г. князь Вяземский прибыл в Бирму, побывал в Моламышине, Рангуне, Мандалае, Аве, Амарапуре, небольших деревнях. Думается, стоит привести описания русского путешественника,

неизвестные нашему читателю: "Перенесите человека прямо из Европы разом сюда и он вообразит себя в каком-то волшебном царстве: не от мира сего, так все тут мило, красиво, поэтично устроено. Даже я, проехавший Китай, Аннам, Сиам и видевший там множество разнообразных храмов буддийской архитектуры, даже я был поражен. Архитектура бирманская совершенно своеобразная, несмотря на обилие позолоты, яркости цветов, причудливости убранства, нет никакой режущей глаз пестроты: вся эта масса кумирен, живописно расставленных на холмах, представляет какой-то игрушечный город, где во всю мочь проявляется богатая восточная фантазия. Описывать их в подробностях невозможно, это надобно смотреть самому, никакой самый тщательный и искусный пересказ не даст понятия об этих прелестях, это нужно высмотреть самому, и увидев хоть раз, на всю жизнь сохраняется неизгладимое впечатление" /5, тетр. 39, л. 843/.

Столь же красочны его описания Рангуна, Мандалая, который он назвал "прелестнейшим на всем крайнем востоке". Побывал он и в доме обычного бирманца и заметил, что в жизни сиамцев и бирманцев много общего: "... тот же бамбуковый пол, те же перегородки, то же отсутствие мебели... На стенах красуются местные рисунки, так как бирманцы большие художники" /5, тетр. 41, л. 901/.

Чрезвычайно интересно описание того, как бирманцы молотят с помощью слонов: "Слон запрягается к вращающемуся колесу и вертит молотилку, очень похожую на нашу, другой подбрасывает туда рисовые снопы, и третий откидывает солому и частью уносит. Людям почти нечего делать, и они остаются простыми зрителями, время от времени, понукая слонов" /5, тетр. 41, л. 904/.

Как и в Сиаме, Вяземский особое внимание обращал на национальные обряды. Он очень подробно описал обряд похорон настоятеля буддийского монастыря. Смерть духовного лица - событие радостное, потому что, по словам путешественника, это уже путь в нирвану. Церемония похорон продолжается несколько дней и состоит, кроме обряда сжигания, "из разнообразных публичных увеселений, напоминающих наши маслиничные балаганные ярмарки" /5, тетр. 40, л. 871/. Он отметил, что присутствие на церемонии сожжения иностранцев не было приятно бирманцам, но никто не выражал никакой враждебности.

К.А. Вяземский описывает также костюмы жителей стран Юго-Восточной Азии, пищу, спортивные игры, театральные увеселения и делал это с большим тактом и очень живо. Его литературный дар несомненен, о чем ярко свидетельствуют даже те отрывки, которые приведены в такой небольшой по объему статье.

Думается, упрек бирманистов И.Воеводова (И.В.Можейко) и

А.Никифорова (А.Н.Узянова), брошенный ими в адрес князя Вяземского, глубоко несправедлив. Они заметили: "Сейчас приходится лишь жалеть, что замечательный спортсмен и неутомимый кавалерист оказался плохим наблюдателем и слабым литератором" /9, с. 99/. Видимо, ученые не смотрели его дневников, о чем можно судить и по суровому отзыву, и потому, что их росписей нет в листах использования рукописей Вяземского.

Внимательное же знакомство позволяет сделать вывод, что специалисты - этнографы, историки, ботаники - могут найти в дневниках К.А.Вяземского множество полезных сведений, глубоких наблюдений, касающихся материальной и духовной культуры народов Юго-Восточной Азии. Можно только сожалеть, что эти материалы не были использованы советскими авторами, рассказывавшими о странах этого региона в 60-70-е годы XX в.

Уже отмечалось, что период с 1891-1917 гг. - самый краткий в хронологическом отношении отрезок времени - стал самым плодотворным в изучении стран Юго-Восточной Азии в России /6; 7/. И путешественник князь К.А.Вяземский внес свою особую лепту в исследование разных стран. Его неопубликованные дневники свидетельствуют о том, что нет почти ни одной стороны жизни сиамского, кхмерского, вьетнамского, бирманского обществ, которой бы он не коснулся. Анализ его работы имеет большую ценность для изучения этнографии и новой истории народов Юго-Восточной Азии. И этот вклад еще предстоит изучить.

-
1. А.В.Соколов. Дневники и письма путешественника К.А.Вяземского (1852-1902). - Материалы московского филиала ГО СССР. Вып. 3, М., 1969, с. 10-12.
 2. И.Н.Мороз. Исследования русских ученых и путешественников как историко-этнографический источник по народам стран Азии. - Автореф. дис. ... канд.ист.наук.М., 1974.
 3. К.Вяземский. Путешествие вокруг Азии верхом. - Русское обозрение. Т. 29. М., 1894.
 4. Институт русской литературы. Фонд 27.171.
 5. К.А.Вяземский. Путешествие вокруг Азии верхом (1891-1893). - Отдел рукописей Государственной библиотеки им.В.И.Ленина. Фонд 178, муз.собр. 8390.
 6. См.: Е.А.Западова. Об изучении Вьетнама в России. - III и ПИКНВ, XXII, ч. I. М., 1989.
 7. См.: Е.А.Западова. Об изучении Кампучии в России. - III и ПИКНВ, XXIII, ч. I. М., 1990.

8. Архив внешней политики России. Японский стол. Дело 1791, л.32.
9. И.Всеволодов, А.Никифоров. Настоящая радуга. М., 1973.

И.Л.Иноземцев

О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ ХУШКАЛ-ХАНА ХАТТАКА И СПОСОБАХ ИХ ИЗЛОЖЕНИЯ В "ДАСТАР-НАМА"

"Дастар-нама" - одно из первых дошедших до нас сочинений светского содержания на языке пашто. С одной стороны, определение содержания словом "светское" предполагает отсутствие религиозной специфики сочинения. Известные нам факты биографии автора также говорят о том, что он не был представителем какой-либо философской школы и не являл собой лицо духовное. Даже напротив, на лице его отражались радости жизни реальной, не лишенной княжеских утех, увеселений и пирушек,¹ хотя и омрачалось оно иногда суровостью походно-полевой жизни. Кроме того, в юности он получил хорошее образование и был человеком широких взглядов, обладал незаурядным поэтическим дарованием и оставил немалое рукописное наследие.

С другой стороны, в книге этико-дидактического содержания, каковой является "Дастар-нама", не могла не отразиться этика и философия ислама, определявшего весь жизненный уклад пуштунских племен середины ХУП века. Элементы этой этики и философии и являются предметом данного сообщения; при этом они не представляют собой какой-либо определенной системы взглядов - в цельном и оформленном виде мы не найдем их в рукописном наследии Хаттака. То, что он увлекался суфизмом, хотя суфием так и не стал, отразилось в основном в его поэтическом творчестве. Мы же ограничимся нравоучительной и жизненной философией Хушкала, его этикой, а точнее - фрагментами этой этики в виде отдельных мыслей, которыми насыщены главы "Книги о чалме". Рассуждения эти, разбросанные по всему тексту памятника, появляются в самых разнообразных местах, зачастую дополняя повествование или прерывая его совершенно неожиданными умозаключениями, а то и целыми экскурсами в отдаленные сферы человеческого познания, при этом логика мыслительных процессов автора не поддается никакому рациональному анализу. Тем более трудно это сделать с позиций европейской логики нашего века, не отягощенной космологическими ассоциациями и глобальными обобщениями, свойственными средневековью в описании простых понятий.

Поскольку исследований, посвященных разбору философских и